

Моск. новости
- 1994 - 30 марта -
- 6 апр. - с. 30

У фриза «Тайная вечеря»

ЖИВОПИСЬ

Загадки Натальи Нестеровой

Выставка художницы в ЦДХ.

Искусство Натальи Нестеровой вызывающе традиционно. В противовес современным течениям, отказавшимся не только от «фигуративности», но и от самого языка пластических искусств, Нестерова утверждает Живопись – мощную, пастозную, покоряющую силой уверенного смелого мазка.

Она влюблена в вещный мир; лепит его на холсте из жирной густой фактуры масляной краски – и вещи, и люди обретают плоть, почти осязаемую в своей реальности. У Нестеровой все едино: лица и руки, и блюда с фруктами, и серо-охристая земля – равно материальные, равно одухотворенные.

При всей своей конкретности, мир Нестеровой – это мир духа, обманок и фантазмагории. Время и пространство смещаются в нем, плоть завораживает таинственной сверхреальностью. Не только небесные фигуры, словно бы вырезанные из кобальтово-синего неба с белыми барашками облаков; не только странные маски, сложенные из карт, – но и как бы в натуре подсмотренные сцены в парижском саду, у итальянского фонтана дразнят своей мистической двойственностью. В каждом холсте что-то запрятано, к каждому нужен особый ключ, а его пойдй найди! Любая разгадка окажется не более чем субъективным ощущением зрителя, а тайна так и останется тайной.

У мира Нестеровой нет протяженности во времени; стрелки часов в нем застыли навсегда, как в картине с часовщиком, как в «часах» на пляже, где арабские цифры выложены фигурками людей. Двое в шезлонгах – она, млеющая на солнце, он – с книгой Иосифа Бродского в руках не живут в реальном времени, но пребывают в некоем постоянстве. Следующий холст – они же со спины, но это не две точки зрения на одну и ту же натуру, это две ипостаси натуры. Люди Нестеровой двоятся, троются, как фигуры триптиха, делают кульбит, переходя из одной стадии в другую, и каждая раз и навсегда фиксирует неизменное бытие.

Навсегда приговорены к своей неизменности апостолы и Иисус в расчлененном на 13 холстов фризе «Тайной вечери». Синевато-лиловое небо Нестеровой, прописанное, а вернее, окрашенное, как стена, висит театральным задником позади аркады – реминисценция «Тайной вечери» Леонардо да Винчи; фигуры с их наивными латунными нимбами – кто они? Кто этот человек в белом, такой конкретно-реальный, застывший в молитве? Евангельское «Слово», ставшее плотью? Актер, разыгрывающий мистирию? Тайна окутывает весь фриз; загадочна отрешенность каждого апостола; загадочно и то, что, в отступление от традиции, все 12 осенены нимбами, и не скажешь, кто из них Иуда. Уж не тот ли золотоволосый юноша, сидящий одесную Иисуса, что так резко отличается от других и молодостью, и устремленным – у одного из всех – взглядом на Учителя? По облику, по месту за трапезой это должен был бы быть Иоанн, любимый ученик Христа, – но у него одного колонны позади оплетены тернием; у него одного клюет с руки не белый, как у всех, а черный голубь... Кто ответит, разъяснит? Художница? Ей не нужны, как иным, литературные добавления к аморфно-бессильному «самовыражению». Она сказала все, что хотела сказать своей могучей живописью.

Ох уж эта Нестерова – загадка без ответа! Так и хочется обратиться к ней, слегка перефразировав, четверостишие Самуила Маршак:

Наталья – сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что может стать, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Мария ЧЕГОДАЕВА